

УДК 821.161.1–3
DOI 10.17223/18137083/53/9

А. А. Волкова

Томский государственный университет

**Жанрово-стилевые особенности
писательской критики Н. С. Лескова раннего периода
(1860-х – начала 1870-х гг.)**

Рассматриваются особенности жанрово-стилевой системы писательской критики Н. С. Лескова – текстов, включающих критические суждения писателя, отражающих его поиски в области тематики и проблематики, жанра, особенностях нарратива, освоения чужого текста в своем и т. п. Важнейшей особенностью критической прозы Лескова является ее публицистический характер. Для автора его статьи становятся средством продвижения актуальнейших проблем современности, подчиняющихся формирующейся в его творчестве национальной идее. Основной с начала критической деятельности писателя становится так называемая тема «больших браней», в дальнейшем эволюционирующая в тему «русской розни». Наиболее частотными жанрами в писательской критике раннего Лескова являются фельетон, отчет, обзор, рецензия, воспоминания. На жанровый состав во многом повлиял выбор тематики, но в большей степени влияние на него оказал разноуровневый диалог, налаживаемый в критических суждениях писателя с современностью, литературным сообществом, своим читателем. Характерным для них становится сказовый принцип повествования с использованием жанров анекдота, былички и т. д. Особенности жанрово-стилевой системы писательской критики Лескова проявляются и на уровне номинации, системы подзаголовков, жанрового обозначения текста. В итоге она становится своего рода «творческой лабораторией» писателя и органичным продолжением его художественной прозы.

Ключевые слова: писательская критика, Н. С. Лесков, жанр, стиль, диалог.

Под писательской критикой подразумеваются практически все тексты, включающие критические суждения писателя, отражающие его поиски в области тематики и проблематики, жанра, особенностях нарратива, освоения чужого текста в своем и т. п. Она, таким образом, понимается нами как вариант писательской рецепции и коррелирует с таким понятием, как «лаборатория писателя». Другими словами, критические тексты Лескова становятся промежуточным звеном между художественными произведениями писателей, о которых он пишет, и его собственными произведениями.

Волкова Анна Андреевна – аспирант филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 34, Томск, 634050, Россия; ann@myttk.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© А. А. Волкова, 2015

Особенность писательской критики Лескова в первую очередь проявляется в области жанра и стиля, что до сих пор еще не рассматривалось в целостности. Уточним, что подразумевается под этими понятиями.

Существует множество исследований в области жанра, среди которых выделяются труды М. М. Бахтина [1975], Г. Д. Гачева [1968], Л. Я. Гинзбург [1977], А. Л. Громова [2009], В. В. Полонского [2008], О. В. Зырянова [2012] и др. Во всех них с большей или меньшей вариативностью жанр понимается как разновидность произведения, его модель. В целом под жанром следует понимать «систему способов построения произведения как завершенного художественного целого», в котором «реализуется моделирующая сторона искусства» [Лейдерман, 2010, с. 40].

Вопросам, связанным с областью стиля писателя, также посвящено немало трудов таких исследователей, как Г. Н. Пospelов [1970], А. Н. Соколов [1968], А. Ф. Лосев [1994], И. Г. Минералова [2011], Т. В. Гусейнова [2012] и др. Обобщив данные исследования, можно выделить общие признаки, присущие понятию «стиль»: композиционные, сюжетные составляющие, уровень художественной речи и т. д., подчиняемые авторской оригинальности и постоянности. Основная функция стиля – выражение миропонимания автора.

Важнейшей особенностью писательской критической прозы Лескова раннего периода является ее публицистический характер, который во многом объясняется задачами тех изданий, с которыми он сотрудничает, и самих текстов, написанных им по заказу редакции. Это видно уже на уровне заголовков статей и концепций газет и журналов.

Так, значительную долю своих текстов писатель публикует в газете «Северная пчела» П. А. Усова, где с 1862 по 1863 г. он заведует отделом внутренней политики. Сама газета, по уточнению И. П. Видуэцкой, в это время не имеет ни четкой общественно-политической ориентации, ни единого концептуально-тематического направления. Крайне разнороден круг ее авторов. В ней печатается и революционер Артур Бенни, и консерватор П. И. Мельников, и разночинцы-демократы А. Левитов, В. Слепцов. Разнородна и тематика статей «Северной пчелы»: от политических новостей (в том числе заграничных) и новостей экономического характера до критических обзоров литературных, театральных, музыкальных новинок и новостей о моде [Видуэцкая, 1996, с. 789]. Сам же Лесков пишет в этот период следующие статьи: «О бюджете по “Современнику”. – Предсказания по новому винному акцизу. – Приятные ожидания в литературе и вероятность их долгой неосуществимости» (Северная пчела. 1862. № 84, 28 марта), «Как слагается репутация литератора в обществе и в литературных кружках. – Деспотизм либералов. – Произведения подпольной прессы. – Взгляд общества на эти произведения. – Что нам нужно в настоящее время» (Там же. № 134, 20 мая) и т. д. Такое явное смешение общественных и литературных проблем, их публицистический характер присущи ранней писательской критике Лескова в целом. Эту особенность он выделит в статье «Русские общественные заметки» в «Биржевых ведомостях» (1869. № 236, 1 сент.): *Воспитывающее и развивающее влияние литературы, отвергать, без сомнения нельзя; но действующие силы литературы, сами литераторы как члены своей гражданской семьи обязаны своим развитием обществу* [Лесков, 2004, Т. 8, с. 187]¹.

Таким образом, принципиально то, что именно периодика, ее возможности и задачи, для начинающего писателя становятся средством продвижения актуальнейших проблем современности. Писательские критические тексты Лескова, как и публицистические в целом, посвящены очень многим вопросам (литературе, критике, политике, общественным проблемам). Но основными уже с начала его

¹ Все цитаты из текстов Лескова в статье выделяются курсивом.

критической деятельности становятся темы народа и нигилизма (так называемая тема «больших браней», в дальнейшем эволюционирующая в тему «русской розни»).

Вся проблематика лесковской критики подчиняется формирующейся с раннего периода его творчества (конца 1850-х – начала 1860-х гг.) национальной идее в его миропонимании. В соответствии с ней Лесков занимает так называемую постепеновскую общественно-политическую позицию, главная мысль которой состоит в том, что все коренные социальные преобразования должны достигаться не революционным, а эволюционным, просветительским путем. В его творчестве это проявляется в создании антинигилистического романа «Некуда» (1861), демонстрирующего полное неприятие революционно-демократических идей, их несовместимость с жизнью народа. В писательской критической прозе Лесков выдвигает ту же точку зрения.

Национальная идея связана и с поиском русского национального характера. Героями произведений и критических статей Лескова становятся представители самых разных сословий и групп: священнослужители, дворяне, крестьяне, ссыльные каторжане, переселенцы, народные мастера и др. Лесков, например, в этот период рецензирует много произведений, написанных священнослужителями, а также дает отзывы на православные журналы («Об отношениях современной светской литературы к литературе духовной» (Северная пчела. 1862. № 19, 20 янв.), «Рассказ приходского священника» (Там же. № 112, 27 апр.) и др.) Интерес представляет также его рецензия на книгу С. Турбина «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки» (Русский мир. 1872. № 119, 9 мая), где внимание писателя привлекли такие национальные маргинальные типы, как переселенцы, бродяги, каторжники и ссыльные.

Таким образом, выбор подобной тематики, с одной стороны, во многом повлиял на жанровый состав писательской критики Лескова. С другой стороны, в критических суждениях писателя постепенно налаживается диалог с современностью, литературным сообществом, своим читателем. В диалоге, участниками которого (по М. М. Бахтину) являются «я», «другой» и незримо присутствующий «третий» – читатель [Бахтин, 1997, т. 5, с. 338], в писательской рецепции Лескова выстраиваются несколько уровней: писатель и читатель, писатель и автор критикуемого произведения, писатель и писатель, где диалог уже ведется, по сути, с самим собой. Писатель также делает попытку налаживания диалога с оппонентами (вступает в полемику с «инакомыслящими» редакторами, критиками, публицистами), что становится крайне важным. Известно, что с самого начала публицистическая и художественная деятельность Лескова не принималась представителями «направленческих» газет и журналов и часто сопровождалась скандалами, поэтому различные «письма в редакцию» и «объяснения» с читателями становятся важной составляющей его формирующейся жанровой системы.

В итоге одним из наиболее частотных жанров в его писательской критике становится фельетон, необычайно распространенный в литературной критике второй половины XIX в. и выявляющий характерную форму выражения «спора о мнениях». При этом сам Лесков рассуждает о его недостатках, например, в фельетоне «Большие брани» (Биржевые ведомости. 1869). Автор заметки утверждает, что фельетон – жанр именно «газетный», поэтому не может обозреть все произведение на своих *трехстах коротеньких строчках* так, чтобы *тут все дело было выслежено и доказано* [Лесков, 2000, Т. 7, с. 246], тогда как задачей фельетона является отклик на злобу дня, а вовсе не критический обзор произведения.

Таким образом, *фельетончик*, по выражению Лескова, создается для решения новых задач, в связи с чем автор выделяет новый тип критика – *критика-фельетониста*, за которым кроется критик-дилетант, пишущий бездоказательно,

но заставляющий *себе верить на слово*, чем он оказывает плохую услугу читателю и писателю. И в этом тоже писателю видятся издержки данного жанра.

С другой стороны, данную газетную форму Лесков считает наиболее приемлемой для своих критических высказываний, причем сам часто оговаривает, что не ставит перед собой цель дать обстоятельную критику, а рассматривает лишь ту проблему, которая заинтересовала его на данный момент. Фельетон удобен писателю для диалога с доверчивым читателем, а также для полемики с оппонентом, если учесть, что в нем используется язык и приемы, построенные на иронии и сарказме.

На страницах фельетона писатель-критик развивает противоречащие друг другу, не совместимые, по его мысли, темы народа и нигилизма, полемизирует с такими представителями различных «направленств», как революционеры-демократы Герцен и Чернышевский, реакционный редактор богословского журнала «Домашняя беседа» В. И. Аскоченский и др. Все они объединяются для писателя в понятие «нигилист», под которым, по сути, понимается образ литератора, не имеющего связи с почвой. В рецензии на роман Чернышевского «Что делать?» (Северная пчела. 1863) он даже дает дифференциацию этим типам: *сильные и честные Базаровы и базарствующие Рудины* [Лесков, 1996, Т. 3, с. 178–179].

Тем не менее жанр фельетона отнюдь не является главенствующим в писательской критике раннего Лескова. В его формирующейся эстетике и критической практике уже активно начинают проявлять себя и другие жанры – воспоминания, заметки, отчеты, литературный портрет, письма в редакцию, рецензии, автокритика, антикритика и т. д. Элементы его писательской критической рефлексии проявляются также в личных и деловых письмах, в различных предисловиях и послесловиях, комментариях и примечаниях к художественным текстам.

Характерно, что своим статьям сам писатель дает такое жанровое обозначение, которое, на первый взгляд, расходится с тем, что несет в себе сам текст. Так, своему фельетону «Большие брани» он дает подзаголовок «общественная заметка» (хотя текст намного превышает объем заметки), а театральные рецензии называет «отчетами».

Важно, что тот же принцип наблюдается и по отношению к текстам художественного плана. Например, типичной повести «Леди Макбет Мценского уезда» он дает жанровое определение «очерк»; ранний рассказ «От тебя не больно» называет арабеской; поздней своей повести «Юдоль» (в которой рассказывается о мрачных событиях голода в Орловской губернии) даст подзаголовок «рапсодия» и т. п.

Таким образом, уже в ранней писательской критической прозе Лескова наблюдается явное смешение жанров – публицистических, критических, документальных, художественных. Интересна с этой точки зрения одна из его первых критических статей «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко» (Русская речь. 1861. № 19–20, 9 марта). Написанная в жанре воспоминаний, она отражает характерную для Лескова категорию памяти, которая играет важнейшую роль в его формирующейся эстетике и постепенно становится определяющей чертой его поэтики и стиля. Характерными становятся и проявления излюбленного для писателя сказового принципа повествования, с использованием жанров анекдота, былички и т. д. Зачатки такой структуры повествования, которая ведется от лица рассказчика, содержатся уже в его первых критических высказываниях, в том числе и в указанной нами статье, тем более что написана она после смерти Шевченко. Более того, функция воспоминания лежит в «чужом слове» – бесконечных цитатах, реминисценциях, без которых поэтика его произведений вообще не мыслится. То же можно сказать и о писательской критической прозе Лескова, буквально сотканной из «чужих слов».

Жанр воспоминаний имеет ряд специфических моментов: в нем ярко выражен образ автора и имеется проекция автора на свое «я», «структура, возникающая из наблюдения людей над процессами внутренними (самонаблюдение) и внешними» [Гинзбург, 1977, с. 10]. В итоге выбор жанра в данной статье, где речь идет о поэте – выразителе национальной идеи, вовсе не случаен.

Сам стиль Лескова отражает здесь во многом стилистику текстов Шевченко с его напевностью, лиричностью (*осиротела малороссийская лира; на упокой душеньки; общее горе славян*). Текст наполнен эпитетами, метафорами, характеризующими личность поэта, глубокое уважение и любовь автора воспоминаний к нему (*благородное чело; его многострадальная жизнь; чувство той теплой и живой любви, которой дышали его произведения*). Примечательно, что Лесков использует различные вставные конструкции – лирические описания, диалоги. При этом разговор с поэтом стилизован под украинскую речь, которой так виртуозно владел и сам писатель, большая часть молодости которого прошла в Киеве: *«Извинить, будьте ласковы, шо так принимаю. Не могу сойти вниз... Сидайте. Я сел, не сказав ни слова. Шевченко мне показался как-то странным. Оба мы молчали, и он прервал это молчание. «Вот, пропадаю... Бачите, яка ледащица з мене зробилась»* [Лесков, 1996, Т. 1, с. 207]. Таким образом, уже в самых ранних писательских критических статьях Лескова проявляется его особая писательская манера, принцип подачи текста, где наряду с критическими присутствуют как художественные, так и документальные элементы.

Для Лескова Шевченко – *батько рідного слова*, его хранитель. Примечательно, что и сам писатель берет на себя роль выразителя народного слова, что становится несомненным и постоянным атрибутом его повествовательной манеры, выраженной в сказе.

Еще более ярко этот принцип повествования проявится в рецензии на роман Толстого «Война и мир» «Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому» (Биржевые ведомости. 1869. № 95), которую сам критик называет отчетом.

Исследователь А. А. Тертычный так определяет этот жанр: «Отчет как тип публикаций является одним из наиболее древних жанров журналистики. Прежде всего, это касается именно той его разновидности, которая называется информационным отчетом. Существовавший долгое время в форме устных сообщений, докладов императорам, царям или населению о каких-то форумах, заседаниях парламентов, собраниях и других явлениях, с появлением газет такого рода отчет перекочевал на их страницы (он, например, представлен в первой российской газете – петровских “Ведомостях”» [Тертычный, 2006, с. 58]. Таким образом, изначально автор статьи ориентирует читателя на изустность, документальность, информативность повествования, сознательно отказываясь от форм изложения, принятых в критике.

Лесков-критик, который сам на данном этапе находится в поисках своего жанра, высоко оценивает то, что роман Толстого написан по *старым памятям, преданиям русского семейства*, а не по записям, отражающим казенный взгляд на историю и, следовательно, передает подробности, действительно ценные для истории, что близко ему самому. Примечательно, что в 1871 г. писатель начнет работу над романической хроникой «Божедомы», а также напишет сатирическую хронику «Смех и горе», сюжет которой основан именно на *старых памятях*. Во вступлении к повести 1874 г. «Детские годы. (Из воспоминаний Меркула Протоцева)» он говорит об этом так: *Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к этому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках* [Лесков, 1957, с. 279].

Таким образом, роман Толстого изначально заинтересовал Лескова-критика как роман исторический, поэтому он и обращает внимание прежде всего на то, как изображены исторические события и личности, – то есть на все то, что современные критики оценили как явную неудачу писателя. Лескову, напротив, понятна и близка мысль Толстого о том, что такие исторические персонажи, как, например, Кутузов, представляют собой часть единого организма – нации. При этом писатель недвусмысленно намекает в примечаниях к статье на тот факт, что сам имеет опыт написания текстов, основанных на данной философии: *Да будет прощено нам, что мы считаем позволительным сделать здесь выноску для того, чтобы сказать, что это взгляд не совсем новый. Может быть, кому-нибудь неизвестно, что проводить и оправдывать этот взгляд пробовали и другие писатели с меньшим талантом* [Лесков, 2000, т. 7, с. 562].

В итоге рецензия Лескова, среди многих других, написанных в это время на роман Толстого, действительно является во многом оригинальной и в композиционном, и в жанрово-стилевом плане. Более того, в нее писатель-критик включает два анекдота (о Ермолове и Ростопчине), один из которых был якобы рассказан ему дедом. Вследствие этого текст статьи уже начинает нести элементы сказа, что проявляется в явном звучании интонации сказителя.

Таким образом, рецензия на роман Толстого становится принципиальной для формирующейся эстетики Лескова: она является показателем не только жанрово-стилевой оригинальности, но проявляет творческие пристрастия и поиски самого писателя-критика. Лесков разглядел в романе своего великого современника то, что не смогла понять современная ему критика: особенности историко-философского повествования, своеобразие поэтики и системы образов и т. д. Важно, что автор рецензии дает и необычное определение Толстому, называя его *писателем-мистиком, спиритуалистом*, что гораздо глубже помогает понять, в отличие от критики современников, мировоззренческую позицию автора «Войны и мира», будущего создателя знаменитого религиозно-философского учения – толстовства.

Принципиальным становится и то, что обращение Лескова к роману Толстого, его историческим и «романическим» персонажам чрезвычайно волнует и самого писателя, поскольку сам он в этот период ведет напряженные поиски своего героя и своего жанра, как в прошлом, так и в настоящем.

Интерес писателя к *старым памятям*, правдиво отражающим взгляд на прошлое, напрямую связан и с его стремлением к *правде жизни*. По мысли писателя, ложь и невежество отличают тип нигилиста, больше всего возмущающие его уже с первых дней своей творческой деятельности, о чем он пишет, например, в фельетоне «Нечто вроде комментариев к сказаниям г. Аскоченского о Т. Г. Шевченко» (Русский инвалид. 1861. № 268). Статья имеет элементы антикритики, написанной по поводу недавно опубликованных воспоминаний Аскоченского о поэте, в которых Лескова возмутил развязный тон критика, искажение им фактов, а подчас и откровенная ложь. Иронично звучит в связи с этим цитата из статьи воспоминаний о Шевченко, приведенная Лесковым в эпиграфе к данной статье: *Матушка моя, дай ей Бог царство небесное, говорила: «Эй, не лги, сынок!»* [Лесков, 1996, т. 1, с. 396].

В формирующемся образе нигилиста-критика Лескова прежде всего отвращает их невежество и незнание народа. Сам писатель, без всякого сомнения, знает и понимает народ. Со знанием дела он показывает себя знатоком народной жизни, например, в фельетоне «О замечательном, но неблагоприятном направлении некоторых писателей» (Русская речь. 1861. № 60), в котором критикует *борзописцев и народников* (все тех же нигилистов) за невежество: *Они кричат о силе народного смысла, они хотят играть в народ, хотят выучить его песням о Чуриле Пленковиче, на которого ни бабы, ни девки не могут смотреть без греховных помы-*

слов; а о том, как жить народу, как ему отвыкнуть от дурных привычек и не обижать своего ближнего, не кабалить соседа за бесценок да не перепродавать его рядчикам, – это не их дело [Лесков, 1996, т. 1, с. 377].

Лесков обвиняет представителей «направленческих» журналов в незнании народа и в статье с характерным названием «О лжи в русской жизни» (Северная пчела. 1862. № 92, 5 апр.). Ощущая свое превосходство над критикой нигилистического толка, писатель как бы становится в один ряд с читателем, которым чаще всего в своей ранней критике называет читателя из народа, и вступает в диалог уже не только от своего лица, но вместе с этим типом читателя-реципиента, представляя строгим литературным судьей для своих оппонентов.

Важно, однако, и то, что уже к концу 1860-х гг. вместо понятия *народ* в критических текстах писателя все чаще начинает звучать понятие *общество*, как, например, это происходит в ряде «Русских общественных заметок», опубликованных в «Биржевых ведомостях» за 1869 г. Несомненно, само понятие «общество» более широкое, чем понятие «народ». Недаром и в художественных текстах писателя героями становятся не только представители народной среды, но и священники, разночинцы, помещики и т. д., что значимо, прежде всего, для понимания национальной идеи и ее эволюции в творческом сознании Лескова.

В «Русских общественных заметках» проводится еще одна важная мысль. В частности, в заметке в газете от 7 сентября, где продолжается тема о взаимовлиянии общества и литературы, появляется его рассуждение о категории *истины* как главной литературной ценности, к которой должен стремиться каждый писатель: *Всякий, не обиженный даром разума человек может, хотя бы ненароком, сказать мысль, более или менее верную, замечательную и полезную, отклонять которую только потому, что высказавший ее заявил себя не в том направлении, которое нам наиболее симпатично и которое мы признаем за наилучшее, не только не заслуга перед истиною, но даже громадное перед нею преступление. Истина есть общее достояние, во владении, как и в возделывании которого должен быть допускаем полнейший коммунизм: иначе она никогда не выработается, никогда не усвоится, всегда будет осуждена на односторонность и не будет истиною. В давние годы для ищущих истины было сказано: «*audiatur et altera pars*» (слушай другую сторону), и новейшие судилища, в которых при их больших достоинствах знатоки дела усматривают еще значительные несовершенства, ставят перед присяжными, репрезентирующими мирскую совесть, не только обвиняющего прокурора, но и оправдывающего защитника. Так сознается и ощущается во всех серьезных делах потребность, завещанная в старом премудром завете: «*audiatur et altera pars*»* [Лесков, 2004, т. 8, с. 227]. В этой отсылке к античности высказывается мысль о достижении истины с помощью ведения диалога по сократовским традициям. А «сократический диалог», как известно, является ключевым понятием в понимании движения писателя к самосознанию и определяет особенности поэтики его публицистических и художественных текстов.

Исследователи И. Н. Минеева и Н. В. Годяева показывают применение Лесковым такого способа ведения диалога на примере рассказа «На краю света» [Годяева, Минеева, 2006]. Рассматривается это как с точки зрения категории синкризы (сталкивания противоположных точек зрения) и анакризы (провоцирования собеседника на высказывание собственного мнения), так и корректного обоснования своей точки зрения, при которых герой-рассказчик – архиерей – вступает в диалог с собеседниками. Элементы такого диалога становятся принципиальными и в писательских критических текстах Лескова. Склоняя своих оппонентов к ответу, он стремится «в непринужденной беседе заставить людей говорить, выражать на словах свои темные, но предвзятые мнения, тем самым разоблачая их ложность и неполноту» [Там же, с. 87]. Вот как, к примеру, он призывает с помо-

щью анакриты к ответу редактора «Дня»: *Этот статью мы прямо обращаемся к редактору «Дня» и просим его рассмотреть, обсудить сообщаемый нами факт и дозволить нам перепечатать в своей газете решение, которое он положит по вопросу о причинах постоянно возрастающего желания крестьян поделить общинную землю в собственность. Мы хлопочем об этом в общинных интересах, желаем беспристрастного разъяснения нового явления в экономических воззрениях народа и надеемся, что г. Аксаков не лишит русское общество удовольствия знать его мнения по столь замечательному явлению. Мы смело обращаемся с этим вопросом к г. Аксакову, потому что ожидаем от него серьезного ответа...* [Лесков, 1998, т. 2, с. 502].

Таким образом, можно говорить о формировании крайне оригинальной жанрово-стилевой системы писателя уже в ранний период его творчества. Ее особенности проявляются на уровне номинации, системы подзаголовков, жанрового обозначения своего текста, в особом сказовом нарративе, имеющих место в его критической прозе. В итоге она становится своего рода «творческой лабораторией» писателя и органичным продолжением его художественной прозы.

Список литературы

Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 447–483.

Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1997–2010.

Видуэцкая И. П. Передовые статьи по вопросам внутренней жизни России в «Северной пчеле» // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 787–859.

Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: эпос, лирика, театр. М., 1968.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977.

Годяева Н. В., Минеева И. Н. Жанр сократического диалога в художественной интерпретации Н. С. Лескова (к постановке проблемы) // Новое о Лескове: Межвуз. сб. науч. тр. Йошкар-Ола, 2006. Вып. 2. С. 85–96.

Громова А. Л. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: Литературно-критические и художественно-документальные произведения: Дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2009.

Гусейнова Т. В. Малая проза С. Т. Аксакова: атрибуты стиля // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. № 8. С. 133–137.

Зырянов О. В. Мотивно-тематический комплекс как средство циклизации в «Уральских рассказах» Д. В. Мамина-Сибиряка // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 5. М., 1957.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Продолжающееся изд. М., 1996–2014.

Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. Киев, 1994.

Минералова И. Г. Анализ художественного произведения: стиль и внутренняя форма. М., 2011.

Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М., 2008.

Поспелов Г. Н. Проблемы литературного стиля. М., 1970.

Соколов А. Н. Теория стиля. М., 1968.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2006.

A. A. Volkova

**The genre and style features of N. S. Leskov's literary criticism
of the earlier period (1860s – early 1870s.)**

The paper discusses the genre and style features of N. S. Leskov's literary criticism system – the texts including the writer's critical judgments reflecting his search in the field of subjects and problems, genres, narrative features, assimilation of another's text in one's own, etc.

The most important feature of Leskov's critical prose is its journalistic character. For the author his articles become a means of promoting the most urgent problems of modern times that comply with the national idea taking shape in his works. From the very beginning of the writer's critical activity the main topic has been that of so-called «big discords» which later evolved into the topic of «Russian dissension».

The most frequent genres in Leskov's early literary criticism are feuilletons, reports, surveys, reviews, memoirs, etc. The genre composition was largely influenced by the choice of topics, but to a greater extent it was influenced by a multilevel dialogue, arranged in the writer's critical judgments with contemporaries, literary community, and his reader. Becoming typical of them is the principle of a folkloric narration, where use is made of such genres as funny story, joke, etc.

The genre and style features of N. S. Leskov's literary criticism system also manifest themselves at the level of nomination, of the system of sub-headings, and of the genre designation of the text. As a result, his criticism system becomes a kind of the writer's «creative laboratory» and an organic continuation of his artistic prose.

Keywords: literary criticism, Leskov's works, genre, style, dialogue.

DOI 10.17223/18137083/53/9